

ТЕАТР 27 АВГУСТА 2021

Русский сайт-специфик-театр в 7 постановках От Электрозавода и Пречистенки до Ясной Поляны и Ярославля

РЕКЛАМА

Автор Юлия Зинкевич**Редактор** Лёва Левченко

Театру всегда было тесно в, собственно, театре. От торговцев, изображающих смерть Иисуса на грязных улицах средневековой Европы, до авангардистов, которые сбивались в кучи в каморках книжных магазинов Нью-Йорка и Лондона, — не было еще периода в истории, когда театр существовал исключительно в специально предназначенных для него местах. Строго говоря, театр в его современном представлении — тяжелый

но в 80-е отдельные труппы вроде Vppn G01 начали выстраивать отдельные постановки вокруг окружения — это называли сайт-специфик-театром. Термин быстро утратил свое первоначальное значение — сайт-спецификом начали называть любой театральный перформанс, проходивший за пределами театральных стен, — но в каком-то смысле вернулся к исходному пониманию в пандемию, когда театры то открываются, то закрываются. Десятки спектаклей выплеснулись из четырех стен в самые неожиданные пространства, и теперь уж, говоря, что «весь мир — театр», мы имеем в виду не только тот факт, что мы все играем роли, но и то, что сценой может быть лес, парк, старый гараж, действующая ткацкая фабрика, улицы города, переоборудованный завод, трамвай, бар, мчащийся поезд, остров посередине реки или квартира людей, с которыми вы даже не знакомы. И это будет влиять на то, что вам показывают.

Предлагают почувствовать себя внутри «Записок охотника» Тургенева в Спасском-Лутовинове или услышать голоса Льва Николаевича и Софьи Андреевны в Ясной Поляне, побыть немецким инженером на Электрозаводе в Москве или понаблюдать за работой ткачей на фабрике «Красный Перекоп» в Ярославле.

Чаще всего такие спектакли не статичны, а подразумевают, что зрители перемещаются вслед за действием, иногда проходя изрядное расстояние. Не менее 10 тысяч шагов проходят по лесу под Суздалем собравшиеся «По грибы» вслед за актерами Сельского театра драмы и комедии в Фомихе, столько же самостоятельно, ведомые голосом в наушниках, — те, кто следует по переулкам Остоженки и Пречистенки по маршруту «1 000 шагов с Кириллом Серебренниковым» или от Рубинштейна до Итальянской в Петербурге по следам Ольги Берггольц с приложением Мобильного художественного театра.

Рассказываем про несколько театральных групп, выпускающих сайт-специфик-постановки.

Билеты: 0–379 рублей

Подробнее

Самая доступная вещь из списка: «Мобильный художественный театр» — приложение, объединяющее формат аудиоспектакля с AR-игрой. Журналист Михаил Зыгарь придумал МХТ еще в 2019 году по мотивам других успешных проектов студии «Истории будущего» — также существующих как приложения или сайты «1968.Digital» и «Проект 1917». Сайт-специфик как он есть — перенесенных в современность «Мастера и Маргариту» нужно слушать во время прогулки по Чистым прудам, «Место счастья» о спортивных комментаторах, посетителях перестроенных рок-фестивалей и спортсменах — в «Лужниках», «Подслушано в городе Т.» о выдуманных беседах Толстого и Тургенева в Туле — соответственно, в Туле, «Я жила», основанный на дневниках одного из главных голосов блокадного Ленинграда Ольги Берггольц, — в центре Питера. У проекта недавно появились и англоязычные спектакли.

Сельский театр драмы и комедии в Фомихе Суздаль

Билеты: 1 800–3 500 рублей

Подробнее

В Москве молодая труппа «Эскизы в пространстве» играла, например, на сцене центра имени Мейерхольда, но, поездив несколько лет подряд на творческую лабораторию «Человек мира» под Суздалем, команда расширила пространство игры и сделала несколько постановок в поезде Москва — Владимир: в купе шли, например, «Палата № 6» и «Три сестры», а в вагоне-ресторане с меню к зрителям подходила Настасья Филипповна. Затем «Эскизы» переехали в село Фомиха Владимирской области, где официально живет не больше десятка человек, и построили там дом-театр. Потом он сгорел, но труппа не отчаялась — последнюю премьеру, «Дневник Колобка» режиссера Яны Туминой и художника

«По грибы», немного мистическая история, где воспоминания о лете у бабушки перемежаются с детективными сюжетными линиями, идет в живописном сосновом лесу. «ПроПраСуздаль» — путешествие по самым нетуристическим маршрутам и разным историческим пластам города. Театральные прогулки дополняют горячие ужины, за которые зрители садятся вместе с актерами.

«Театральная компания Жени, Саши и Егора» Москва

Билеты: 1 500 рублей

Подробнее

Выпустившись в разгар пандемийного года с гитисовского курса театрального художника Дмитрия Крымова и режиссера Евгения Каменько-

первый тайный спектакль из серии «Библиотека приключений» (отсылка к хитовой советской книжной серии) — «Серьезные размышления в течение жизни и удивительные приключения Робинзона Крузо, включающие его видения ангельского мира», который Женя и Саша, объединившись с музыкантом Егором Жирновым, поставили просто у себя в квартире. Ко второй работе новоиспеченная труппа подошла серьезнее, но с той же фантазией: действие «Трех мушкетеров» они перенесли в гаражный кооператив в Лефортове, где современные Атос, Портос и Арамис выбрали путь классического российского эскейпа в гаражах без электричества. Один ведет «медленное радио гаражного кооператива», другой создает галерею портретов местных жителей, третий бесконечно чинит любимый «Запорожец» СУР99. Смыслы тут вырастают просто из живой среды кооператива: одни соседи театралов приглашают зрителей к широкому восточному застолью, другие впихивают в свой бокс барабанные установки. «Среди театральных задач мне кажется важным создание узнаваемых положительных героев, как бы наивно это ни звучало. Этого, мне кажется, в театре очень не хватает», — говорит Женя.

«Рор-уп театр»

Москва, Санкт-Петербург

Билеты: 500–1 500 рублей

[Подробнее](#)

Все пять лет, что существует «Рор-ип театр», его режиссер Семен Александровский экспериментирует с форматами. Аудиоспектакль «Время, которое», номинированный в прошлом году на «Золотую маску», посвящен Дмитрию Брусникину, звучит его голосом и голосами его учеников, хоть и рассказывает историю о сохранении артефактов, связанных с Мейерхольдом. Другие можно увидеть/услышать в Петербурге, где Александровский и базируется. Основа репертуара — спектакли для одного зрителя в наушниках, в массе своей — алкогольной направленности. Один так и называется — «С Чарльзом Буковски за барной стойкой», второй, посвященный Сергею Довлатову, обещает «пять по пятьдесят» — маршрут, прежде чем подвести вас к дому писателя, проведет по пяти барам. В процессе прослушивания «Профсоюза работников Ада» посещаешь четыре бара — от Некрасова до Рубинштейна, слушаешь джаз, получаешь четыре напитка. Интеллигентская аудиоистория в ушах — хороший выбор для тех, кто считает, что наклюкиваться в одиночестве — это уже алкоголизм, но все-таки любит это дело.

«Война и мир. Путешествие»

Ясная Поляна

Билеты: по входному билету в Ясную Поляну, ближайшие показы — 3–5 сентября

Первый раз аудиоспектакль режиссера Евгения Маленчева («Всем кого касается», Groza) по пьесе Юлии Пospelовой поставили в Ясной Поляне три года назад к фестивалю «Толстой». Постановка оказалась так хороша, что серию показов повторяют с тех пор каждый год. Жаль, что усадьба не вводит спектакль в постоянный репертуар: специально устанавливаемые к показам временные арт-объекты — лодка в поле, макет усадебного дома, спрятавшийся в землю, — небольшие инкрустации в реальность, которые перенастраивают угол восприятия места. В 1862 году, когда Лев Толстой женится на юной Соне Берс, в их жизнях все меняется. В спектакле озвучены мысли, доверенные Львом Николаевичем и Софьей Андреевной не друг другу, но дневникам, письмам. Пытливо следуя хронологии событий, мы наблюдаем взгляд жены и мужа на знаковые события их долгой совместной жизни — только детей у них за 25 лет родилось 13, а сколько строк. Меняются, взрослеют голоса актеров, озвучивающих главных героев. Среди них — Александра Ребенок, Никита Кукушкин, Максим Суханов. Настоящий спектакль с яркой драматургией, отчасти экскурсия, но уводящая от привычных троп и дающая острое театральное переживание.

Москва

Билеты: 1 700–2 900 рублей

[Подробнее](#)

Иммерсивная историодрама идет в цехах, дворах и вокруг бывшего здания московского Электростроительного завода, на котором в 20-х годах налаживали для СССР производство электрической лампочки с вольфрамовой нитью немецкие рабочие и инженеры. Вилли, Ганс и Франц, трое 20-летних берлинских рабочих, горят энтузиазмом помочь СССР наладить производство ламп и идут на участие в промышленном шпионаже. Все это приводит их в Москву 20-х, где они участвуют в запуске Электростроительного завода, находят друзей, любовь и даже строят политическую карьеру. Двадцать одна подлинная история героев технической революции, воссозданная по архивным документам. В ролях — каждый из зрителей со своей маленькой ролью. Проходы через арки завода с готическими линиями краснокирпичной архитектуры, фантомные звуки давно остановивше-

онал» на немецком и радиоэфир 1937 года. Музыкальный спектакль Сергея Никитина-Римского предлагает участникам воскресить завод в его лучшие моменты — когда он гремел на всю страну и его мощь воспевали Родченко и Маяковский.

«Радио Фабрика» Ярославль

Билеты: 600 рублей

[Подробнее](#)

В выходные действующий текстильный комбинат «Красный Перекоп» в Ярославле превращается в площадку для театрального променада. Во время экскурсии-спектакля зрители дирижируют ткацкими, чесаль-

лами, истории — с обобщениями. Режиссер постановки — танцдраматург Александр Андрияшкин. «Нам было важно подарить фабрике голос, чтобы она могла озвучить свои вопросы, — говорят создатели „Радио Фабрика“. — Каждый раз, когда мы на волне „Радио Фабрика“, в нас начинают работать паровые машины, запускаются двигатели, механизмы, хочется производить энергию и делиться ею». Проект — часть многолетней программы Textil, которой занимаются кураторы Юлия Кривцова и Сергей Кремнев.

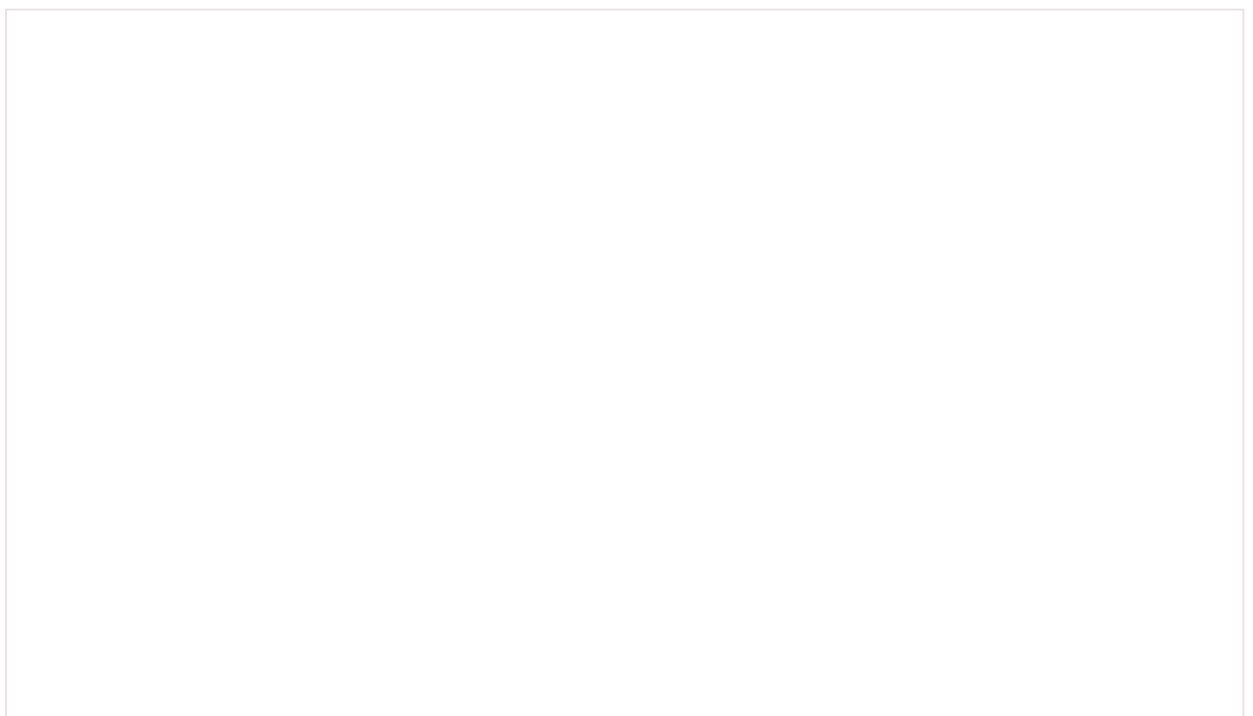
Фотографии: обложка, 2 — Сельский театр драмы и комедии в Фомихе, 1 — Мобильный художественный театр, 3 — «Театральная компания Жени, Саши и Егора», 4 — «Pop-up театр», 5 — Евгений Маленчев, 6 — Алан Воуба, 7 — «Радио Фабрика»

СКОПИРОВАТЬ ССЫЛКУ

РЕКЛАМА

Читайте также:

ТЕАТР

Мобильный художественный театр: Что (пока) не так с новым проектом Михаила Зыгаря

Приложение «Мобильный художественный театр» со спектаклями-променадами пытается угодить всем

Тэги

СЮЖЕТ

ТЕАТР

ТЕАТР 23 АПРЕЛЯ 2021

Создатели спектакля «Распад» — о том, как и зачем говорить в искусстве о ментальном здоровье А еще об умном зрительском театре, женском взгляде на мужской взгляд и об усталости

Автор Ольга Тарканова

«Главная героиня, успешная художница, переживает ряд потрясений, которые становятся триггером для развития безумия. Проходя сквозь разные стадии болезни, она попадает под тотальное влияние мужа, в котором новые обстоятельства будят пассивную агрессию». В спектакле «Распад» настолько детально, *точно*, сделано всё — даже описание, что лучше про эту работу и не рассказывать. Зато хочется говорить о ней, потому что чуть ли не каждая реплика и каждая сцена ставят вопросы, с которыми мы на самом деле живем каждый день и в связи с которыми часто чувствуем беспомощность.

«Распад» — камерный психологический спектакль на двух артистов: формат, от которого в хорошем живом театре вроде как давно отошли, но к которому в последнее время все чаще возвращаются — и не случайно. «Распад» поставила режиссер Елена Ненашева: это, как и многие другие ее работы, независимый проект в нетеатральном пространстве — Музее русского импрессионизма. Пьесу написал Олжас Жанайдаров, автор вьедливых и болезненных, но остросюжетных текстов, в центре которых чаще всего — люди с опытом миграции. Именно этот дуэт, который еще и переворачивает обычное гендерное распределение в театре (чаще режиссер — мужчина, драматург — женщина), кажется фундаментом силы «Распада». Перед очередными постановками мы поговорили с Леной и Олжасом.

«Распад»

Режиссер

Елена Ненашева

Драматург

Олжас Жанайдаров

В ролях

Виталий Коваленко,
Юлия Волкова

Где

Музей русского импрессионизма

Когда

Ближайшие постановки
— 21 и 22 мая

[Подробнее](#)

«Любви не было, только ментальное здоровье!»

— Лена, почти все твои спектакли — независимые проекты, которые ты сама инициируешь, а потом ищешь под них пространство и деньги.

Лена: Это был заказ от артистки. У меня, как у настоящего режиссера, есть прима. Юлия Волкова, великолепная драматическая актриса, еще до пандемии пришла ко мне со словами, что недавно познакомилась и подружилась с Виталием Коваленко, не менее прекрасным артистом, и хочет, чтобы я поставила на них двоих спектакль о любви.

(Все громко смеются.)

Мне нравилась идея поставить спектакль на двух прекрасных артистов, но делать с ними историю о любви просто глупо, хотелось сделать что-то сложное. У меня уже тогда была мысль исследовать тему психического и ментального здоровья, с темой я пришла к Олжасу. Я была знакома с его творчеством, делала на одной лаборатории эскиз по его пьесе «Магазин» *(основанной на реальной истории мигранток из Средней Азии, попавших в трудовое рабство в московском магазине. — Прим. ред.)*. В театре тогда сказали: «Работа замечательная, но мы просили легкую комедию».

— Почему тебе стала интересна тема ментального здоровья?

Лена: Я не всегда понимаю, как рождается мой интерес. Однажды я давала интервью о спектакле «Одинокый город» и 40 минут рассказывала, почему мне интересна тема одиночества с точки зрения экономики, политики, социологических и психологических исследований. И в одном месте пошутила, что недавно рассталась с парнем. Материал вышел под заголовком: «Режиссер рассталась с парнем и решила сделать спектакль об одиночестве».

Самая правдивая часть предыстории «Распада» в том, что перед началом работы над ним у меня был сложный выпуск спектакля, когда на мои плечи легла большая финансовая ответственность, из-за того что часть людей не выполнили свои первоначальные обязательства. Этот спектакль погрузил меня в такой сильный стресс, что в моей голове, когда я летела в самолете, вдруг начал звучать голос: «Ты же можешь умереть в любой момент — и все пройдет».

Тогда я поняла, что даже я, стрессоустойчивая, без клинической депрессии, могу оказаться в уязвимом психологическом состоянии. А как ху-

и хрупкости.

— Почему для работы над этим набором тем — любовь, ментальное здоровье — ты пригласила Олжаса?

Лена: В текстах Олжаса есть редкое сочетание жестких, сложных тем с поэтичностью языка. Чаще человек может либо писать поэтично о прекрасной любви, либо писать на жесткую тему, но очень документально.

Еще в современной драматургии много поверхностных пьес, которые при первом чтении кажутся интересными, но через неделю режиссерской работы с ними интерес теряется, потому что в них нет никаких вторых планов. Авторы, которые богаты вторыми планами так, как, условно говоря, Чехов богат, мало, и Олжас входит в их число.

— Когда Олжас принес текст, что заставило тебя сказать «Да, это оно»?

Лена: Одной из моих начальных задач было — чтобы в пьесе «заканчивались слова». Поэтому мне понравилось, что третье действие уходит в странную поэзию, в нем ломается языковой закон. При этом мы не обсуждали, что у главного героя будут монологи, это был неожиданный прием, но он здорово ложился в историю.

— Когда я еще осенью читала «Распад» как отборщица драматургического фестиваля «Любимовка», то до самого финала думала про героиню: «Она не может такими словами говорить, про „чурок“, про „шлюх“. Это невозможно». Причем на первых страницах мне было очень смешно от этого ощущения невозможности, а потом я перестала понимать — и поняла, зачем так сделано, только на спектакле. Олжас, объясни, как ты придумал этот прием, который выбивает зрителей?

Олжас: Есть теоретическое обоснование и практическое. Когда я консультировался с психотерапевткой и читал о ментальных расстройствах, то выяснил, что лексика, которую используют люди в состоянии болезни, не зависит от уровня образования, интеллекта, культурного ба-

еще здоровая, рассуждает о мигрантах — и есть тонкий намек, что ее отношение к ним, скажем так, прохладное. А потом оно вылезает наружу во всей своей полноте.

Лена: На «Любимовке» были те, кто предъявлял такие претензии к этому тексту: «Вы что, не знаете, как современные художницы разговаривают?» Мне было очень смешно и страшно. У меня был опыт взаимодействия с прекрасным человеком, которая по мере разрушения психики начинала ровно так говорить. Это очень точная вещь, и если она у кого-то вызывает вопросы, значит, люди просто не сталкивались с реальностью и это наблюдение им кажется надуманной конструкцией.

Олжас: Уже на спектакле я понял, что в этой истории есть эффект замочной скважины. Поскольку все происходит внутри квартиры, мы становимся свидетелями неприглядных сцен. Обычно мы не знаем, что происходит за закрытой дверью, но можем догадаться.

Лена: Нет, любви не было, только ментальное здоровье! Любовь отпала на первом этапе.

(Все смеются.)

— Ты ставил какие-то условия? В чем был твой главный интерес применительно к теме ментального здоровья?

Олжас: У моих родственников был опыт столкновения с психическими расстройствами, и я даже несколько раз становился очевидцем таких сцен, как в пьесе. Поэтому в меня сразу попала тема. Кроме того, меня в принципе привлекают истории, в которых люди находятся в экстремальных обстоятельствах, на физической или психической грани. Поэтому мне было интересно рассмотреть ситуацию, когда человек находится на грани между нормой и безумием, и, чтобы понять, что происходит, требуются определенные усилия.

Лена сразу сказала, что я могу написать всё что хочу и что от меня многое зависит. На первом этапе я принес синопсис, у нее была пара замечаний. Потом мы никак не контактировали, Лена увидела уже готовый текст, и к нему было лишь одно замечание.

— Какие были замечания?

Лена: Я попросила расширить кульминационную сцену. «Олжас, мне все нравится, великолепный текст, но Коваленко должен что-то *сыграть* хотя бы в одной сцене».

Олжас: Еще у Лены сразу было пожелание, чтобы главная героиня была представительницей творческой профессии...

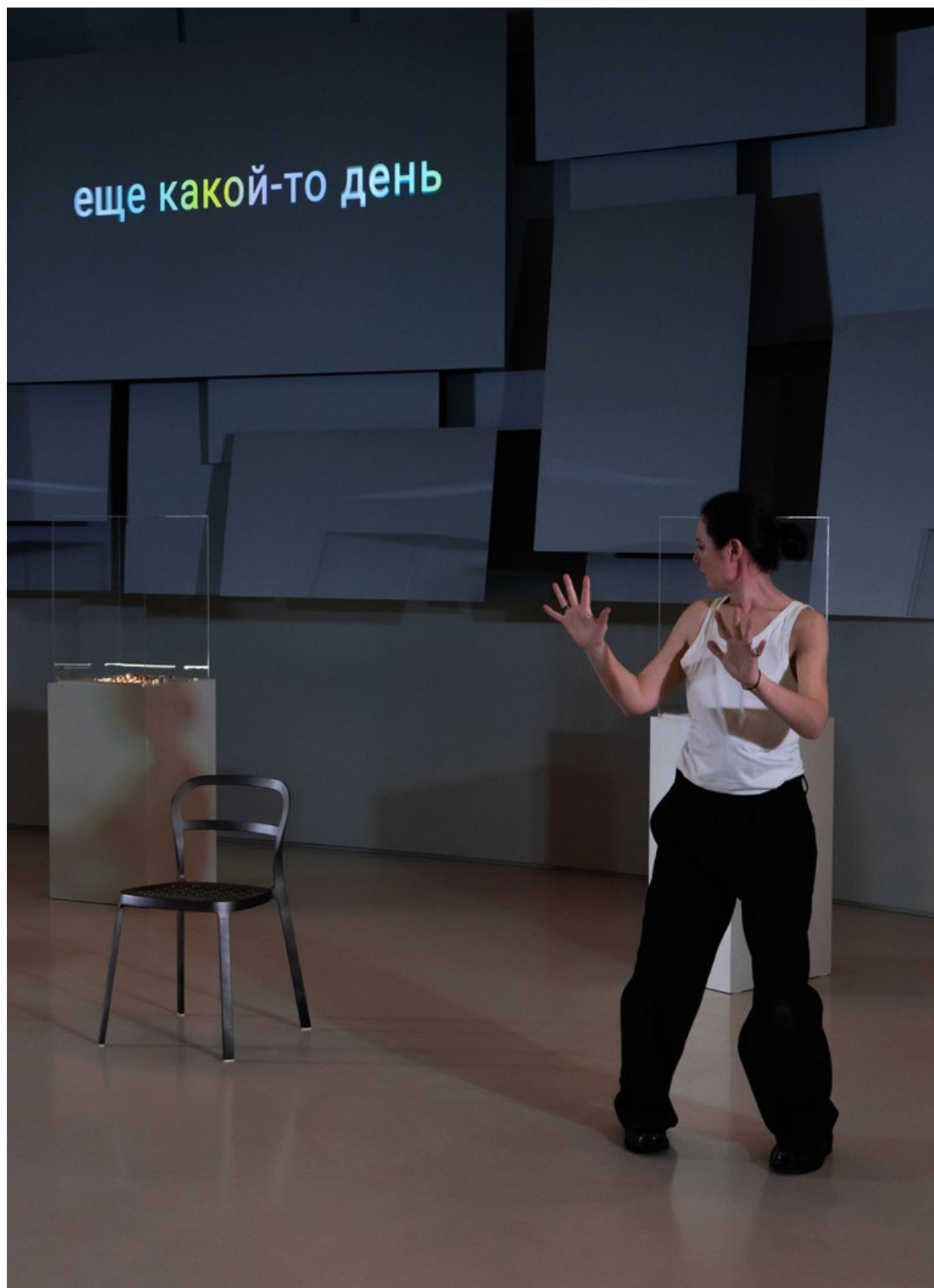
Лена: Креативного класса.

Олжаса: Мне больше знакомы те, кто работают с текстами, и я подумал, что героиня может быть журналисткой или писательницей. Но, чтобы

Лена: Знаешь, это был не первый мой опыт взаимодействия с драматургом, и обычно тексты проходят через 30 итераций, а не через две встречи и два замечания.

The Village

— На мой взгляд, грубый, резкий язык героини работает еще на одном уровне. Уже когда я смотрела спектакль, то постоянно оказывалась перед вопросом: она действительно так говорит или мы все время смотрим на нее глазами героя и это он ее так слышит, а доступ к реальности нам закрыт? Ведь пьеса построена на его взгляде, мужском взгляде. А главная политическая сила спектакля в том, что он дает даже не просто женский взгляд, а женский взгляд на мужской взгляд.

Лена: Мы не формулировали это так, как ты сейчас формулируешь, но у нас действительно именно постановочная команда женская: я, художник Маша Левина, художник по костюмам Саша Агеева, хореограф Таня Чижикова, продюсер Даша Шадрина. Из мужчин только композитор Олег Крохалев.

Был интересный момент, тоже на «Любимовке», дискуссия с режиссером Димой Волкостреловым. Он сказал, что это история про мужчин, про героя. Для меня это история про них обоих, и внутри меня она началась с женщины. На репетициях мы больше занимались Юлиной героиней, чем героем Коваленко.

Олжас: Такой пазл получился. В пьесе, в монологах больше раскрывается мужской взгляд, а в спектакле — история женщины, и в результате получается объемно. Вот, кстати, польза работы мужчин с женщинами вместе.

— Да, мне периодически как феминистке задают вопрос: что нам, мужчинам, делать в вашем новом женском мире? «Распад» — крутой пример. Олжас привнес тот взгляд и те детали, к которым у нас с Леной нет доступа, но потом мы увидели их глазами Лены.

Лена, ты заговорила о работе с артистами. Скажи, в этом спектакле ведь много удовольствия актеров от своей работы?

(Лена смеется.)

— Нет?

циях нам было тяжело. Представь, ты каждый день в России, в феврале, репетируешь спектакль о депрессии и смерти.

(Все грустно смеются.)

Такой был странный эффект у этого текста. Когда встраиваешься и работаешь, все классно, но сесть вечером готовиться к репетиции... Я обнаружила один раз, что вместо работы начала гладить наволочку, а это мне совершенно не свойственно, я не хозяйственный человек.

Олжас: Но я после первого показа сразу Лене написал, как мне понравилось, что в спектакле нет тяжести. Я опасался, что спектакль получится надрывным и безысходным: история диктует эту атмосферу. Но Лене удалось вывести ее на такой уровень, что мне как-то не хочется повеситься после этого спектакля.

Лена: Это важно, кстати. Когда я делала «Распад», то думала о том, как хочется, чтобы новая драма периодически выходила из подвалов, где все играют в своей собственной одежде и без визуального оформления. Такие спектакли бывают крутыми, я люблю такой театр, но сама делаю все-таки во многом визуальный театр, и мне было интересно даже такую страшную историю сделать по другим законам.

— Наверное, я под «удовольствием» имела в виду профессиональную сложность, которая дает ощущение наполненности. У Юли и Виталия сложные роли, нюансированные, их должно быть интересно играть. Для меня еще одна линия, в которую встраивается «Распад», — разворот хорошего театра от веры только в постдраму снова в сторону нарративной драматургии, которая глубоко работает с героями, характерами, выстраивает причинно-следственные связи. Лена, почему тебе еще тогда, полтора года назад, захотелось пойти в сторону сложного нарративного — психологического, в общем-то, — театра?

Лена: Мне кажется, одна из моих сильных сторон не в театре, а жизни вообще (хотя, может, я постарею и все) — изучать и чувствовать тренды. Во многом это связано с тем, что до театра я работала стратегом в рекламе.

Есть такое мнение, что если текст нарративный, то его нужно ставить в кринолинах. А я совершенно искренне могу сказать, что мне нравится делать умный зрительский театр, и я вижу большую аудиторию, именно театральную, у которой есть на такой театр запрос. Нарративный текст, при этом многослойный и вариативный, — это хороший материал для умного зрительского театра.

Олжас: Еще я когда-то прочитал, что спектакли Лены объединяет некая кинематографичность. В текстах, которые я пишу, тоже есть налет кинематографичности.

Лена: Многие уже говорили, что видят «Распад» как кино.

— Абсолютно согласна. Видеоверсия спектакля, которая доступна на сервисе по подписке. Потому что я бы очень хотела, чтобы «Распад» видели не только люди, которые могут позволить себе купить билет за 2 500 рублей.

— У меня есть еще блок вопросов — про ментальное здоровье. Вы устраиваете лекторий вокруг спектакля, а расскажите, на какие вопросы вы за время работы себе уже ответили? У меня, например, пока я смотрела, остро встал вопрос: окей, я вижу, что что-то такое происходит с человеком в моем близком окружении, — но я в панике, что делать?

Лена: 26 марта после показа будет лекция как раз о том, что делать, если у близкого человека ментальное расстройство (*интервью записано в марте, перед вторым блоком показов. — Прим. ред.*). Одна из миссий спектакля — задаться вопросом, как можно было помочь героине, что и героиня, и герой могли сделать по-другому в этой ситуации, чтобы не прийти к такому страшному финалу?

Олжас: Я осознал, пока работал над пьесой, что минимум половина моих друзей принимают антидепрессанты — это не галоперидол, но это тоже лекарственные препараты. Мне важно, что «Распад» — не история о том, что есть умные, здоровые, образованные мы, а есть какие-то другие люди из менее благополучных слоев населения и только у них возможны подобные проблемы. Они, герои спектакля, — это мы, с нами тоже это может случиться.

Лена: Мои друзья тоже почти все на антидепрессантах, и часто это никак не оправдано, это просто безответственность врачей. Можно год мучиться с клиентом и докопаться до проблемы, а можно через четыре встречи прописать таблетки. Это большая зона ответственности: как разделить настоящий клинический диагноз, при котором фармакологическая помощь важна и нужна, — и ощущение, что трудно жить на свете. Нам всем бывает сложно и грустно, и это не значит, что нужно пойти и взять спасительную пилюлю.

— Или настаивать, чтобы близкий человек взял пилюлю, как настаивает герой. Меня еще зацепило, что герой объясняет состояние героини выкидышем: вот, женщина не пережила такое травмирующее событие. А я понимаю, что на самом деле ее состояние ухудшается из-за того, как ведет себя он.

лает все по алгоритму, то ситуация разрешится. Во многом из-за этого у него возникает ложное ощущение всевластия.

Олжас: Как устроен процесс перехода от нормы к безумию? Это накопление влияния ряда факторов: наследственность, стресс и третье — как ведут себя окружающие.

Лена: На обсуждении зрители рассказывали историю, как женщине в семейной паре с маленьким ребенком поставили диагноз «шизофрения», но дочь узнала об этом только в 19 лет. Важно никого не стигматизировать и понимать, что возможны разные пути развития. Мы показываем страшный вариант именно для того, чтобы люди остановились и подумали, что нужно сделать, чтобы не пойти по такому сценарию.

Олжас: При этом надо понимать, что у спектакля хоть и есть научная основа, но это все же художественное произведение. Когда я консультировался с психотерапевткой, то задавал ей вопрос о стадиях, насколько быстро они происходят. Но в пьесе динамика развития болезни более быстрая — это диктуют драматургические законы.

Лена: Да, и вообще, существует порядка 150 подвидов шизофрении — это нам тоже рассказывала консультант. У меня еще был пул более практических вопросов к ней. Например, как болезнь внешне выражается. С этой же целью я смотрела ролики на ютьюбе, отправляла их Юле, а она часто не хотела именно такого прямого столкновения с внешним выражением болезни и говорила: «Я не буду это смотреть, просто поставь мне конкретную задачу, и я ее сделаю».

— Какие новые вопросы у вас появились, когда вы уже выпустили спектакль?

Лена: Как продать билеты!

(Все смеются.)

Олжас: Я вот не знаю, как сам мог бы повести себя в подобной ситуации. Легко думать, что будешь делать все правильно, но ведь это серьезный

своего жениха, которого очень любила, узнав, что у него биполярное расстройство. Нас всех, ее друзей, эта ситуация поразила, а потом я поняла, что это жестокое, но понятное решение человека, понимающего, что ее и его может ждать в будущем. Как не стигматизировать партнера, который принимает решение уйти? Ведь это его жизнь, никто ни с кем не обязан оставаться на веки вечные.

Еще одна интересная мне тема — где заканчивается свобода личности и начинается необходимость вмешательства и лечения. Когда человек здоров, мы вроде бы хорошо осознаем эти границы. Но когда границы размываются ментальным расстройством, то кто должен принимать решения? Может, если бы героиня, даже находясь в таком состоянии, шла своим путем, а не тем, которым ее вел муж, все закончилось бы лучше. Или еще хуже.

Олжас: Это ситуация, когда возникает соблазн власти, соблазн принимать решения за человека.

— Я подумала прямо сейчас: иногда уйти — это не только спасение себя, иногда это спасение партнера.

Лена: Одна из больших причин сделать «Распад» и проводить после него лекции или обсуждения в том, что разговор — один из самых простых способов сделать что-то более нормальным. Когда начинаешь о чем-то говорить, оно перестает быть стигмой, и у людей, которые столкнулись с этим, появляется гораздо больше опций решить проблему.

— Знаете, к вопросу о грани нормы и безумия. Где-то к середине спектакля я вдруг соотнесла себя с главной героиней. У меня нет клинической депрессии, я хожу на психотерапию, у меня устойчивая психика, но недавно, когда у меня стало много стрессовых ситуаций, связанных с властью, руководством, я начала замечать сильные перепады настроения, примерно как у героини. То есть этот спектакль можно посмотреть не только как историю про женщину с диагнозом, но и как историю про современную женщину, которая живет интенсивной жизнью, эта жизнь ее выматывает... В конце концов, героиня Юли даже выглядит как я. Мне было важно увидеть на сцене почти себя, это такая редкость. Лена, а тебе было важно сделать из героини Юли идентификационную модель? Соотносишь ли ты с ней себя?

Лена: Много отзывов на спектакль именно такие. Зрители сначала говорят: это не моя история, у меня не было выкидыша, я не безумна. А дальше: ну вообще-то, я тоже все время выхожу курить, все время разговариваю сама с собой...

Есть, например, вещь, которая меня триггерит в этой пьесе. Когда героиня говорит про список молодых художников на «Кольте», в котором она есть: «Молодой художник, а мне уже 34!» Я поздно стала режиссером,

Мы все такие креативные, молодые, успешные, фигачим проекты. Но практически все мои друзья, кому подходит вот такое описание: одна десять дней не спит, потому что у нее стресс от капитализации ее стартапа, другая тихонечко села на антидепрессанты, потому что обещала сдать книгу, а сроки прилетели. Во всем этом темпе жизни, когда ты должна всех все время поражать, брать и брать проекты, иначе тебя все забудут, ты живая, ты имеешь право устать. Даже если у тебя нет депрессии, а просто физически хочется полежать несколько дней. Такой возможности нет. И это все, конечно, нездоровая среда, в которой мы живем. В этом плане мы с тобой, Оля, плохие девочки. Мы не помогаем людям, мы только все ухудшаем. Потому что другие смотрят на нас и думают: смотри, как можно, вот эти две фигачат — почему у вас должен быть выходной?

Олжас: Валить из Москвы надо! У меня была внутренняя задача нарисовать максимально узнаваемые реалии для людей из нашего окружения: мечты о собственной сыроварне, поездки в Сочи, фитнес-клуб. Поставить зеркало, чтобы люди себя в нем увидели.

— А еще есть линия с отношением к мигрантам, которая вроде как прямого отношения к ментальному здоровью не имеет, но она принципиально важна в пьесе и сильна.

Олжас: Да, тему мигрантов можно назвать моей магистральной темой. А в «Распаде» удалось посмотреть на ситуацию с учетом моей двойной оптики. С одной стороны, я этнический казах, который прошел все этапы сложного взаимодействия с российской культурой и местными жителями. Я знаю, каково это — быть иным, чужим. С другой стороны, я уже москвич, который давно здесь живет, и в моем окружении в основном «славяне» из креативного класса.

— Последний вопрос смешной, из серии «вопрос к художникам». У вас есть ощущение, что «Распад» — этапная для вас работа?

Олжас: Да, как раз потому что раньше я писал о маргинализированных группах или о людях из исторического прошлого. А «Распад» — про

заставить меня делать одинаковые спектакли, за что-то зацепиться и пытаться именно это развивать. Я сдохну и потеряю всякий интерес к происходящему.

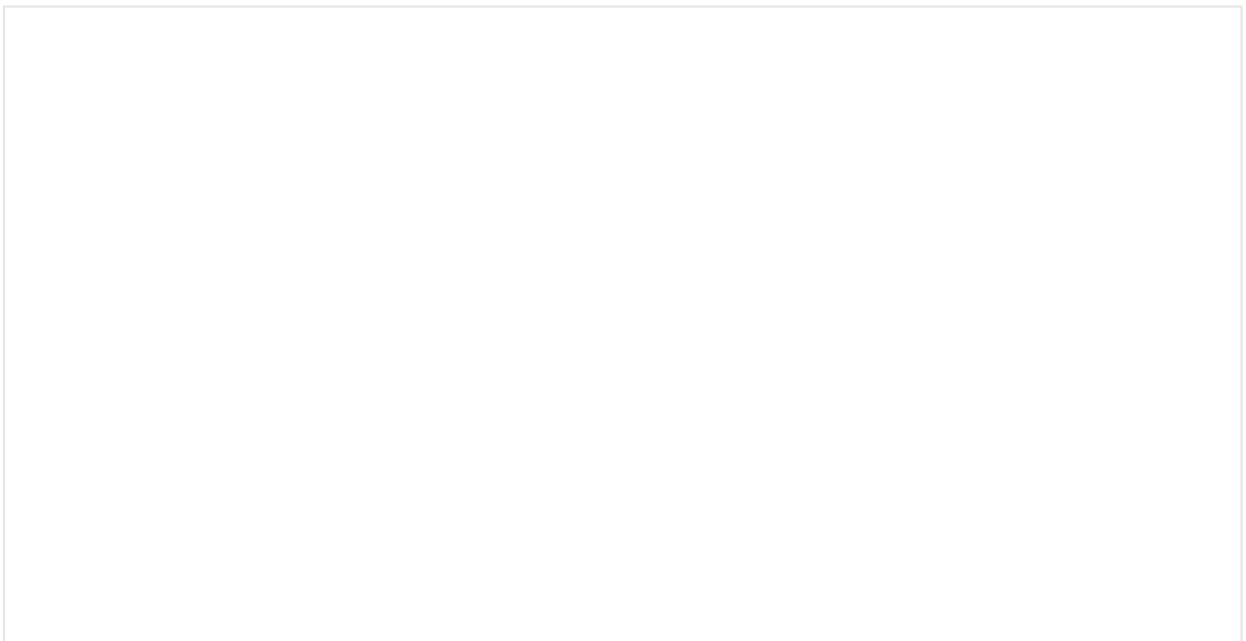
Но «Распад» — это действительно важная и сложная, амбициозная и страшная работа с точки зрения даже не режиссуры, а продюсирования. Есть прекрасный продюсер Даша Шадрина, с которой мы вместе вложили свои деньги в этот спектакль, а это не самая продаваемая работа. Я могу позволить себе не думать о продаваемости только в стенах репертуарного театра или в лабораториях, когда есть подушка безопасности. Независимый спектакль на такую сложную тему — это довольно дерзкий эксперимент.

Фотографии: Макс Пономарев

СКОПИРОВАТЬ ССЫЛКУ

Читайте также:

ИСКУССТВО

«Мы все — левые утописты»: Российские художники создают профсоюз и требуют гособеспечение «На смену незащищенности придет безусловный базовый доход»

Тэги

СЮЖЕТ

ИНТЕРВЬЮ

ТЕАТР

ЛЮДИ

ЕЛЕНА НЕНАШЕВА

ОЛЖАС ЖАНАЙДАРОВ

МЕСТА

МУЗЕЙ РУССКОГО ИМПРЕССИОНИЗМА

Первая полоса

РАБОЧИЙ ВОПРОС

Нужно ли рассказывать начальнику про свои подработки И могут ли за них уволить

МЕСТО

СОБЫТИЯ НЕДЕЛИ

Куда пойти в Москве на этой неделе? Собрали лучшие события Открытие сезона в МАММ, Рикардо Вильялобос в Mutabor и аукцион «Шар и крест»

ГИД THE VILLAGE

Все, что вам нужно знать про грибы, съедобные и не очень

The
Village

РЕЦЕПТЫ ШЕФОВ

6 рецептов быстрых и простых завтраков

The
Village

ГИД THE VILLAGE

Что носить осенью: 28 покупок на ближайшие полгода

ИНОАГЕНТЫ

**Сегодня проходит акция в поддержку журналистов, признанных
иноагентами** The Village присоединяется

ПЛАНЫ НА СЕЗОН

7 книг осени Роман про Марину Абрамович, история российской национальной идентичности и автофикшен, вывернутый наизнанку

ФОТОРЕПОРТАЖ

Суета кальянного рэпа и заниженных машин на парковке московского «Ашана» Фотопроект Кирилла Попова

МУЗЫКА РАЙОНОВ

Гуляем с Алисой Йоффе вокруг «Электrozавода» и «Бумажной фабрики»
Говорим о здоровом питании, панке и Comme Des Garçons

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОСТРАНСТВА

**The Village и искусствовед оценивают «Остров
фортов» в Кронштадте** Милитари-урбанистика
от Ксении Шойгу

КВАРТИРА НЕДЕЛИ

Арт-объекты, иконы и русский авангард. Как живет семья художников в центре Москвы

МУЗЫКА РАЙОНОВ

Гуляем с Михаилом Зыгарем по Покровке Говорим об исторических зданиях, пьющих классиках и новом театре

The
Village

ПОКУПКА НЕДЕЛИ

Ароматические свечи с шафраном, сливой и ревеном Notera

ХОРОШАЯ ПРИВЫЧКА

Делать пожертвования Чтобы чувствовать себя счастливее

The
Village

ПРОМО

Как использовать детский контент для развития ребенка

АРХИТЕКТУРА

Калуга: Неоготика, классика и модернизм — на что обратить внимание в городе и окрестностях, помимо «Николы-Ленивца»

Подпишитесь на рассылку

Адрес e-mail

ПОДПИСАТЬСЯ

ПРАВООБЛАДАТЕЛЯМ

КОНТАКТЫ

О САЙТЕ

СОГЛАШЕНИЯ И ПРАВИЛА

РЕКЛАМОДАТЕЛЯМ

Мы в соцсетях

VKONTAKTE

OK.RU

TWITTER

FACEBOOK

YOUTUBE

TELEGRAM

INSTAGRAM

RSS

Другие проекты Redefine

WONDER

Новости Москвы, Санкт-Петербурга. Люди, места, события. Использование материалов The Village разрешено только с предварительного согласия правообладателей. Все права на картинки и тексты в разделе Новости принадлежат их авторам.

The Village

